

50.

А. Ф. ДАМАНСКАЯ.

**Карточныи домики
совѣтскаго
строительства.**

BERLIN

1 9 2 1

А. Ф. ДАМАНСКАЯ.

**Карточныe домики
совѣтскаго
строительства.**

**BERLIN
1 9 2 1**

I.

„Они“.

Ухо иностранца или русскаго человѣка, долго не бывшаго въ Россіи, должно прежде всего поражать теперь одно слово, наиболѣе частое въ современной русской рѣчи:

— „Они“.

Кто это—объяснять не приходится. „Они“ — такъ солдаты на войнѣ называютъ непріятеля, съ которымъ воюють. „Онѣ“.

Слово это и помимо многообразнаго выраженія, которое вкладывается въ него—оттѣнки его многообразнѣе облаковъ на небѣ, — это цѣлая гамма чувствъ: злоба и страхъ, ненависть и робость, безнадежность и злорадство, покорность и ѣдкое затаенное глумленіе, это слово „они“ въ себѣ самомъ заключаетъ понятіе о чемъ-то не нашемъ, намъ чужомъ, болѣе или менѣе далеко, враждебномъ. Слово это, какъ бы оно ни производилось, проводитъ между, раздѣльную полосу, ровъ, пропасть.

По одной сторонѣ, стало быть, „они“, — по другой сторонѣ — мы.

Вы услышите это слово въ устахъ крестьянина, стонущаго подъ бременемъ непосильныхъ налоговъ и оброковъ. Въ устахъ деревенскихъ женщинъ, у которыхъ заградительные патрули красноармейцевъ отнимаютъ молоко и яйца, привозимые въ городъ.

„Они“ — враги, насильники, невѣдомо для чьего блага, во имя чьихъ интересовъ посягающіе на собственность, за которую крестьянинъ держится также цѣпко и жадно, какъ за жизнь.

Въ самое послѣднее время, впрочемъ, отношенія крестьянства къ „нимъ“ вступили въ совершенно новую фазу. Деревня все упорнѣе и упорнѣе отгораживается отъ города, который воплощаетъ въ его глазахъ это ненавистное слово: „они“. Воплощаетъ приказъ, насиліе, именуемые декретомъ.

Деревня враждебно отмежевывается отъ города, отказываетъ ему въ продуктахъ. Деревня вступаетъ въ фазу натурального хозяйства — что упрощаетъ ея самостоятельность, ея независимость отъ города. — Во многихъ деревняхъ пробуютъ теперь варить мыло, сучать нитки и бичевки изъ льна, изъ бичевокъ дѣлаютъ носкія для лѣта подметки, пытаются дублить кожу . . — И дѣлается это вполне сознательно, съ цѣлью создать изнутри деревни оплотъ независимости отъ того насилія, которое идетъ изъ города вмѣстѣ съ предписаніями декретами и реквизиціями.

„Они“ — въ устахъ профессора, врача, народного учителя, въ устахъ курсистки, и полуголодныхъ, кое-какъ одѣтыхъ, кое-какъ обутыхъ безчисленныхъ служащихъ безчисленныхъ совѣтскихъ учреждений.

„Они“ — въ устахъ рабочихъ, немногихъ, черезъ пень колоду, дѣйствующихъ еще мастерскихъ и заводовъ, которыхъ насильно, подъ страхомъ лишенія работы и пайка, заставляли голосовать за коммунистовъ на послѣднихъ выборахъ.

„Они“ — въ устахъ художниковъ, писателей, артистовъ, ученыхъ, представителей науки. Два лагеря — „они“ и мы.

И неизбѣжное въ лагерной, въ военной жизни явленіе: сгущенная атмосфера взаимнаго недоверія, необходимость быть всегда начеку, всегда насторожѣ, вѣчное ожиданіе какого нибудь подвоха, хитрости, коварства, предательства и насилія.

Это взаимное недоверіе и опредѣляетъ трагическое положеніе большевиковъ, которые для большинства остаются только чужими, только врагами, для которыхъ одно только наименованіе: „они“.

Это взаимное недовѣріе — благодарная почва для самыхъ фантастическихъ слуховъ, которые все глубже роютъ пропасть между нами и „ними“.

Приведу для примѣра такіе случаи.

Въ началѣ зимы прошедшаго года объявился въ Петроградѣ сапъ.

Все, что врачебныя и санитарныя силы города могли сдѣлать въ немыслимыхъ, для какого бы то ни было дѣла, условіяхъ, все было сдѣлано. Сапъ пошелъ на людей. Зарегистрировано было нѣсколько случаевъ на улицахъ, прилегающихъ къ Александрo-Невской Лаврѣ, гдѣ было прежде много извошичьихъ дворовъ и складовъ сѣна и овса. Два, три случая отмѣчено было въ Новой Деревнѣ.

Изолировать больныхъ некуда было. Лечить нечѣмъ было. Пошли слухи о томъ, что больныхъ отравляютъ. — Мнѣ лично пришлось услышать въ вагонѣ желѣзной дороги, на пути изъ Озерковъ въ Петроградъ, возмущенный рассказъ женщины-врача о разстрѣлѣ нѣсколькихъ, заболѣвшихъ сапомъ, больныхъ. Всѣ слушали, всѣ возмущались. Никому не пришло въ голову усомниться въ правдоподобіи рассказа. — „Они“ — на все способны.

Другой случай. На набережной рѣки Карповки, близъ Каменноостровскаго проспекта, имѣется городской Дѣтскій Домъ. Какой-то скверной снѣдью отравились минувшей зимою дѣти. Нѣсколько умерло. По городу пошелъ слухъ: въ пріотахъ кормятъ дѣтей мясомъ павшихъ отъ сапа лошадей. Въ Дѣтскомъ Домѣ на Карповкѣ умерло восемьдесятъ человекъ. Ихъ всѣхъ отравили. Трупы свезли ночью за городъ, закопали въ общей могилѣ. Слухъ, въ которомъ была, впрочемъ, значительная доля правды, принять былъ безпровѣрно. „Они“ — на все способны.

Въ тѣ же дни много говорили въ Петроградѣ о повальномъ вымираніи звѣрей въ зоологическомъ саду. Большевики, такъ говорили по городу, додумались до способа спасти отъ голода тигровъ, медвѣдей и пантеръ. Въ Зоологическій

садъ свозятъ ежедневно тѣла разстрѣливаемыхъ въ крѣпости и въ тюрьмахъ контръ-революціонеровъ! — И этотъ слухъ принять былъ безпровѣрно.

„Они“ на все способны.

Стало, впрочемъ, скоро извѣстно, и извѣстнымъ достовѣрно, что звѣри въ Зоологическомъ саду, тѣмъ не менѣе, все-же вымерли: очевидно, мясо контръ-революціонеровъ не пришлось имъ по вкусу.

Но это недовѣріе, это „они на все способны“ и у большевиковъ по отношенію къ намъ, стоящимъ по эту сторону барьера. И въ этомъ трагедія лучшихъ изъ нихъ, тѣхъ немногихъ, исключительныхъ единицъ, которыя слѣпо и фанатично слѣдуютъ какимъ-то идеалистическимъ заданіямъ. Это недовѣріе опредѣляетъ выборъ людей, опредѣляетъ перлюстрацію людей, которымъ поручается отвѣтственная работа. Это недовѣріе—экранъ, на которомъ развивается трагикомедія мнимаго строительства большевиковъ. Трагическій блефъ.

О томъ, къ чему свелась въ Совѣтской Россіи жизнь города, деревни, о безрадостномъ, убогомъ, звѣриномъ ликѣ этой жизни писалось не мало. Не отмѣчалось, однако, одно и чрезвычайно характерное для Россіи явленіе: приглушенное, вѣрнѣе, заглушенное чувство родины.

„Они“ — не мы. Правительство, которое они собою возглавляютъ, не наше правительство. Ихъ задачи—не наши задачи, не задачи народа въ его цѣломъ, состоящаго не изъ одного какого-нибудь класса, а изъ многихъ слагаемыхъ.

Строй нашей жизни,—если можно назвать жизнью прозябаніе — созданъ не нами. Мы въ немъ не участвовали, насъ не спрашивали... Самодѣятельность, инициатива, свободный починъ—въ деревнѣ также заглушены, какъ и въ городѣ. И отсюда глубокое безразличіе, унылое равнодушіе—у всѣхъ безъ исключенія—къ тому, что происходило, что происходитъ на безчисленныхъ фронтахъ. И какъ знаменательно это равнодушіе, если

сопоставить его съ тѣмъ напряженнымъ интересомъ, съ какимъ слѣдилъ весь русскій народъ за событіями на фронтѣ въ годы войны, отъ 1914-го и вплоть до весны 1917-го года.

Въ массѣ одинаковое равнодушіе — къ побѣдамъ красной арміи, и къ неудачамъ красной арміи. У всѣхъ на устахъ одно тоскливое: „Когда это кончится!“ И убивающее волю къ труду, къ дѣйствию невѣріе: „Это никогда не кончится“.—

Потому что смутно самые малосознательные сознають: они — сильны только войной, они — сильны только междуусобицей.

Злорадство, съ какимъ многіе, многіе русскіе люди встрѣчаютъ вѣсть о пораженіи красной арміи, это чувство злорадства ждетъ своего историка, психолога. — Потому что, по истинѣ, жестоко долженъ быть путь внутреннихъ преобразженій у людей для того, чтобы мученическая гибель родныхъ братьевъ могла окрылять какими то надеждами, даровать какія то радости.

Но подойдите къ крестьянину, къ петроградскому мастеровому, къ пригородной крестьянкѣ съ вопросомъ:

— Какова, а? Побѣждаетъ наша красная армія . . . Варшаву взяли! . . . На васъ сперва подозрительно посмотрятъ. Если двое-трое — толкнуть друга локтями.

— Э тотъ куда гнетъ — провокація . . . —

Если не всѣ умѣютъ выговаривать это слово, то всѣ понимаютъ его значеніе. А приглядѣвшись, убѣдившись, что вы не съ провокаціонными замыслами къ нимъ подошли — уныло кивнуть головой. И вы услышите знакомое, безнадежное:

— Ну, что толку . . . Намъ то что . . . Все одно . . .

Связи между массой, не находящейся на фронтахъ, и той, что за торжество ненавистнаго и непонятнаго ей коммунизма проливаетъ на этихъ фронтахъ кровь, — связи нѣтъ. Одни дѣлають по принужденію, подъ ножомъ дѣло, чуждое другимъ. Кровной спайки между этимъ дѣломъ и дѣлающими его — нѣтъ. Спайки между той, иной областью совѣтскаго строительства и людъ-

ми, насильно втянутыми въ это строительство — нѣтъ.

И оттого бесплодность всякой работы, всякаго начинанія. Ибо въ основѣ всякой работы лежитъ подтачивающее ее въ самомъ корнѣ недовѣріе.

Въ силу этого взаимнаго недовѣрія совѣтская власть вынуждена съ особой осмотрительностью выбирать людей, которымъ поручаетъ отвѣтственную работу, которыхъ ставить на отвѣтственныя мѣста. Эти выбираемые люди должны стоять на стражѣ государственнаго аппарата, дабы онъ не ускользнулъ изъ рукъ въ какой-нибудь неблагопріятный въ политическомъ отношеніи мигъ.

Кому-же можно поручить отвѣтственную работу? Надежнымъ людямъ. Кто они, эти надежные люди? Партіиные, свои, коммунисты. А если эти, партійные, свои, коммунисты не обладаютъ необходимой для того или иного дѣла подготовкой? Тогда для того или иного дѣла мобилизуются люди, обладающіе нужной подготовкой, а свои, надежные, партійные люди, приставляются къ нимъ въ качествѣ контролеровъ. Это — стражи государственнаго аппарата. Этотъ государственный аппаратъ должно неусыпно оберегать отъ вѣчно и трусливо предполагаемыхъ захватовъ со стороны людей, обладающихъ знаніями, опытомъ, сноровкой, трудоспособностью, всѣми, словомъ, культурными орудіями, которыя приобрѣтались — какъ? Извѣстно — какъ. „Пили нашу кровь . . . Учились, творили, изобрѣтали за нашъ счетъ, въ то время, какъ мы . . . Такъ быть же вамъ теперь подъ нашимъ началомъ . . . Попили нашей крови . . . Довольно!“ . .

Подъ этимъ несмыкающимся, недреманнымъ окомъ „своихъ“ вѣрныхъ людей — невѣжественныхъ, въ большинствѣ случаевъ, малограмотныхъ, быстро входящихъ во вкусъ власти, и быстро развращаемыхъ властью, работаютъ учителя, профессора, врачи, инженеры, художники, артисты, писатели. Подъ гнетомъ диктатуры двухъ-трехъ надежныхъ людей работаютъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ сотни, тысячи людей.

Какая тутъ благодарная почва для шпіонажа, навѣтовъ и доносовъ — представить себѣ не трудно.

Въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей Ленинъ сдѣлалъ внушительный наказъ: „Недовольство и порицаніе совѣтской власти должно караться по всѣмъ строгостямъ закона, какъ заигрыванія съ зарубежными контръ-революціонерами“.

Въ автогужѣ — въ отдѣлѣ автогужеваго транспорта — арестованъ былъ въ прошедшемъ году одинъ изъ служащихъ — по доносу сослуживца, коммуниста, только за то, что при обыскѣ у него нашли два юмористическихъ стихотворенія, въ которыхъ непочтительно высмѣивались вожди русскаго коммунизма.

Несчастливаго стихотворца разстрѣляли. Нѣсколько человѣкъ его знакомыхъ были арестованы.

Весною 1920 года я занималась съ арестованными проститутками и спекулянтками, интернированными въ Трудовой Колоніи на станціи Разливъ, подъ Петроградомъ. На мою жалобу начальству — оно возглавлялось въ этомъ учрежденіи недоучившимся студентомъ-медикомъ — что постоянная слѣжка за мною мѣшаетъ моей работѣ, что комендантъ, полуграмотный солдатъ, аттестуетъ меня караульнымъ, какъ контръ-революціонерку, я выслушала въ отвѣтъ: Не навлекайте на себя подозрѣній. Комендантъ Фроловъ — партійный, облеченное довѣріемъ лицо. Онъ можетъ въ каждую минуту упечь васъ въ чрезвычайку.“ — Такова структура совѣтской власти.

Нѣкоторое время спустя тов. Фроловъ уволенъ былъ за пьяные дебоши и хищеніе книгъ изъ кое-какъ и съ трудомъ слаженной библіотеки.

Печать въ предѣлахъ Россіи и заведенная на сочувствіе ей зарубежная печать — неоднократно подчеркивала, расписывала просвѣтительную дѣятельность — чью? Вотъ на этотъ, ребромъ поставленный, вопросъ затруднился-бы дать отвѣтъ каждый мало-мальски правдивый апологетъ совѣтскаго строительства.

Просвѣтительная дѣятельность коммунистовъ? — Но въ каждой, въ любой, культурно-просвѣ-

тительной организаціи — коммунистовъ въ качествѣ идейныхъ руководителей, организаторовъ, рядовыхъ работниковъ, несущихъ на себѣ все тягло работы, коммунистовъ-то и нѣтъ. Ибо тутъ нужны интеллигентные труженики, люди со знаніями. Коммунистовъ-же, интеллигентныхъ, образованныхъ — ничтожная горсть. И всѣ они нарасхватъ. На большихъ мѣстахъ, въ большихъ чинахъ, въ делегатахъ, въ комиссарахъ. И работу подлинную, повседневную дѣлаютъ не свои люди, не надежные, а насильно мобилизованные, втянутые въ эту работу съ одной стороны голодомъ и безвыходностью положенія, съ другой стороны слабой надеждой, что хотя-бы и при ненормальныхъ условіяхъ, хотя-бы и подъ несмыкающимся недреманнымъ окомъ контроля и шпіонажа, все-же удастся выполнять любимое привычное культурное дѣло.

II.

Школа.

„Единая трудовая школа“. — Звучить гордо.

Единая трудовая школа, это — смѣсь, сплавъ всѣхъ школъ прежнихъ типовъ въ одну. Упразднены всѣ гимназіи, реальныя и классическія, всѣ институты, всѣ закрытыя, учебныя заведенія, всѣ городскія, начальныя школы, и замѣнены обобщившей всѣ школы „Единой трудовой“.

Нѣтъ больше такихъ образцовыхъ школъ, какъ женская гимназія Шаффе, мужская гимназія Лентовской, Мая, нѣтъ гимназій Таганцевой и Стоюниной. Вмѣсто нихъ „Единая трудовая школа“, которая дѣлится на первоначальныя классы — школу первой ступени и ея продолженіе — школу второй ступени.

Прежній контингентъ петроградскихъ учителей значительно порѣдѣлъ: много народу умерло, многіе разстрѣляны, многіе бѣжали отъ голода въ провинцію, въ деревню, за предѣлы Россіи.

Правда, значительно сократился и контингентъ учащихся. По официальнымъ совѣтскимъ свѣдѣніямъ, въ Петроградѣ сейчасъ около 800,000 жителей. По неофициальнымъ и болѣе близкимъ къ истинѣ — не болѣе полумилліона.

Пропорціально — значительный, однако, недостатокъ учителей приходится пополнять новыми силами. Откуда они берутся? Съ бору да съ сосенки. Преподаетъ всякъ, у кого иного занятія не находится. Кто во что гораздъ. — Преобладаютъ въ преподавательскомъ составѣ женщины. Бывшія учительницы начальныхъ городскихъ школъ преподаютъ въ низшихъ и старшихъ классахъ „Единой трудовой школы“.

Основной принципъ этой школы — воспитаніе дѣтей въ духѣ пролетарскаго самосознанія, въ духѣ пролетарской идеологии. Какая тутъ благодарная почва для контроля, сыска, подозрѣній и навѣтовъ — представить себѣ не трудно.

Задача школы, ближайшая задача — вытравливаніе изъ молодого поколѣнія буржуазнаго духа. Съ этой цѣлью настойчиво и бдительно проводится разрѣженіе состава учащихся.

Дѣлается это такъ. Ученики вошедшей въ „Единую Трудовую школу“ гимназіи, гдѣ преобладали дѣти изъ интеллигентныхъ состоятельныхъ семействъ, переводятся въ прежную городскую школу, составъ которой представлялъ собою улицу, городскую бѣдноту. Причемъ, родители лишены права опредѣлять дѣтей въ ту или иную школу, по ихъ усмотрѣнію. Учениковъ распределяетъ районная училищная комиссія. Дѣтей прикрѣпляютъ къ школѣ, какъ прикрѣпляютъ ѣдоковъ къ продовольственной лавкѣ. — Ввести въ старшіе классы оздоровляющій пролетарскій элементъ, пока, что, оказалось невозможнымъ (низшія городскія школы заканчивались тремя, четырьмя классами.) Съ этой цѣлью дѣлаются, впрочемъ, исключенія: въ качествѣ освѣжающаго пролетарскаго элемента допускаются въ старшіе классы экстерны — почти безъ всякой подготовки.

Школа — смѣшаннаго типа, по образцу американской школы, создававшейся долгими года-

ми, въ культурныхъ условіяхъ американской жизни. При многихъ школахъ имѣются интернаты, какъ при американскихъ школахъ. Дѣти улицы, дѣти, не получившія нравственнаго воспитанія дома, безпризорные, недисциплинированные, распущенные мальчики и дѣвочки очутились въ близкомъ общеніи. Опять-таки безъ должнаго присмотра и безъ должнаго нравственнаго воздѣйствія. Уже къ концу перваго года существованія „Единой трудовой школы“ во многихъ интернатахъ оказались близкими къ преждевременному материнству дѣвочки въ возрастѣ 14-ти и 15-ти лѣтъ.

Порядокъ занятій въ школѣ въ минувшую зиму былъ такой: дѣти являются въ школу около 9¹/₂ часовъ утра. Швейцаровъ, сторожей, истопниковъ, при школахъ нѣтъ. Людей нѣтъ. Школьный день начинается съ топки печей, расчистки двора, сгребанія снѣга, тасканія дровъ. Бываютъ и „большіе“ дни, когда дѣтей угоняютъ въ другую часть города, гдѣ свалены откуда-то доставленные для школы дрова. Ученики свозятъ ихъ на салазкахъ въ помѣщеніе школы. Учителя или помогаютъ имъ, или тѣмъ временемъ топчутся въ совѣщательныхъ, не снимая пальто и галошъ.

Къ началу перваго урока, около двѣнадцати, дѣти, уже усталые отъ физической работы, но порядокъ взвинченные, возбужденные разсаживаются по скамьямъ въ пальто и галошахъ и, отсидѣвъ академической часъ — сорокъ минутъ — устремляются къ неопрятнымъ, непокрытымъ столамъ... Завтракъ: полфунта хлѣба, пшенная каша, иногда съ жировымъ глазкомъ, иногда съ мясоподобнымъ комкомъ. Дома каша безъ всякихъ жировыхъ глазковъ, а мясоподобные комки дома — предметъ жадныхъ распросовъ...

Учителя, истощенные голодомъ, холодомъ, заботами о семьѣ, которой не прокормить на учительское жалованье, тоже не снимая галошъ, шапокъ и пальто, кое-какъ вяло дотягиваютъ положенные сорокъ минутъ, А тамъ уже и конецъ школьнаго дня. Дѣти разбредаются по домамъ. Дома надо еще помочь матери по хозяйству —

прислуги давно, давно нѣтъ. Надо наколоть щепокъ, притащить дровъ, если ихъ имѣется скромный запасъ. Надо принести на пятый этажъ воды — водопроводы рѣдко, рѣдко гдѣ дѣйствуютъ. О томъ, къ какимъ измышлениямъ приходится прибѣгать ввиду повсемѣстной порчи водопроводныхъ трубъ, въ разныхъ случаяхъ человѣческаго бытія — я рассказывать не могу. Въ моемъ лексиконѣ нѣтъ для этого удобопроизносимыхъ словъ. Достаточно сказать, что зловонье — преобладающій аромать во всѣхъ петроградскихъ дворахъ, на всѣхъ лѣстницахъ петроградскихъ домовъ. Уроковъ въ школахъ не задаютъ: такъ заведено въ американскихъ школахъ. А если-бы и задавали, готовить ихъ ни у кого нѣтъ возможности. Въ домахъ съ электрическимъ освѣщеніемъ свѣтъ или отпускается часа на полтора, или не отпускается вовсе. Керосина, свѣчей нѣтъ. Счастливы, достающіе лампадное масло, жгутъ лампадки — коптилки. Большинство обитателей Петрограда бродитъ вечерами въ черныхъ комнатахъ, какъ скотъ въ хлѣвахъ. Въ крайнихъ случаяхъ, жгутъ лучинки.

Спать приходится укладываться, едва темнѣетъ, когда въ петроградскихъ квартирахъ нельзя сдѣлать пяти шаговъ, не украсивъ себя шишкой.

Руководителямъ школы рекомендуется пріобщать дѣтей политической жизни совѣтской республики. Это значитъ — участвовать въ разныхъ коммунистическихъ празднествахъ. Въ будни, въ классные дни — это чрезвычайно пріятно. Ибо, какъ мало ни учатся въ школахъ — не сидѣтъ въ холодномъ или пыльномъ классѣ, а шагать по улицамъ, какъ большіе, съ флагами и музыкой — все-же пріятнѣе. Весною 1920 г., когда пріѣзжала въ Петроградъ англійская рабочая делегация, всѣхъ дѣтей всѣхъ школъ погнали на дворцовую площадь (нынѣ площадь Урицкаго). Ученикамъ старшихъ классовъ, гдѣ преобладаетъ еще буржуазный элементъ, поставлено было на видъ — въ предупрежденіе уклоненія отъ явки: неявившіеся лишены будутъ завтраковъ въ теченіи недѣли. — Англичане должны были учесть революціонный па-

фось русской учащейся молодежи, явившейся привѣтствовать представителей англійскаго пролетаріата. — Подъ такими-же угрозами парадировали ученики всѣхъ школъ и въ дни празднествъ въ честь III-го Интернаціонала.

Каковы будутъ итоги этой Единой Трудовой школы — представить себѣ не трудно.

Неудивительно, что при такомъ строѣ занятій всѣ школы Петрограда дали въ этомъ году всего лишь 350 абитуриентовъ. Изъ нихъ 300 записалось въ Военно-Медицинскую Академію, 50 — осталось на всѣ другія высшія учебныя заведенія Петрограда.

Отчего изъ трехъ сотъ пятидесяти триста въ Военно-Медицинскую Академію? Очень просто. Курсъ ученія въ Воен. Медиц. Академіи сокращень до трехъ лѣтъ. Очень уже великъ соблазнъ овладѣть въ такой короткій срокъ всей совокупностью знаній, дающихъ право на званіе врача.

Да и эта совокупность знаній, согласно новой реформѣ Медицинской школы, значительно упрощается. — Студентъ—медикъ съ перваго-же курса будетъ изучать выбираемую имъ спеціальность, не обременяя своей головы изученіемъ патологическихъ уклоненій отъ нормы другихъ органовъ человѣческаго тѣла. Такая разносторонность была роскошью буржуазной науки. — Въ реформированной, демократизированной медицинской школѣ изучающій глазныя болѣзни не будетъ совать носа въ легкія и почки, а терапевтъ не будетъ забираться въ такія дебри, какъ строеніе мозга и нервной системы. Будутъ „спецы“. Будетъ пролетарская наука. И всего три года. Дешево и сердито.

Еще безотраднѣе положеніе школы въ деревнѣ, гдѣ пособій уже и вовсе никакихъ, и ни книгъ, ни тетрадей, ни карандашей.

Учительскій персоналъ количественно сильно разрѣженъ (и опять таки преобладаютъ женщины; мужчины на фронтахъ внѣшнихъ и внутреннихъ). Матеріальныя условія, въ какія поставлены учителя

невообразимая. Холодная, закопченая, грязная избы. Нищенское жалованье. Отсутствие обуви, теплаго платья.

Для того, что-бы попасть изъ Петрограда въ Псковъ, откуда я рассчитывала выполнить планъ бѣгства изъ Россіи, нужна была командировка. Я получила ее отъ института имени А. И. Герцена, предложившаго мнѣ прочитать нѣсколько лекцій по иностранной литературѣ на лѣтнихъ курсахъ для народныхъ учителей. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца я видалась ежедневно съ довольно значительной группой народныхъ учителей и учительницъ изъ всѣхъ уѣздовъ Псковской губерніи. Изъ ихъ разсказовъ о томъ, какъ они живутъ, какъ ведутъ свою учительскую работу, получалась картина ужасающаго, звѣринаго какого-то бытія. Инымъ, напримѣръ, за всю зиму ни разу не пришлось побывать на воздухѣ, на прогулкѣ, въ сосѣднемъ городѣ. Не во что было одѣться. На ногахъ однѣ обмотки, тряпье. Другіе просидѣли всю зиму на одномъ хлѣбѣ, на мерзломъ картофелѣ, безъ сахара, безъ жировъ.

Легко представить себѣ, сколько энергіи, увлеченія, радости вносили эти преждевременно состарившіяся дѣвушки съ обрюзжими лицами, съ волдырями у глазъ, въ свою культурно-просвѣтельную работу.

Эти лѣтніе курсы для учителей были, впрочемъ, такимъ-же карточнымъ домикомъ, какъ и всѣ другіе виды совѣтскаго строительства. Лекторы и слушатели сидѣли на голодномъ пайкѣ. Всѣ поглощены были одной мыслью — какъ-бы прокормиться.

Лекторамъ было не до чтенія лекцій, слушателямъ — не до слушанія лекцій.

Странную картину представляла минувшей зимою любая университетская аудиторія. На томъ мѣстѣ, гдѣ полагается быть каѳедрѣ — закутаный, обмотанный, снаряженный для дальней экспедиціи человекъ. Это — профессоръ. Передъ нимъ на скамьяхъ пять, шесть человекъ, рѣдко — десять, двѣнадцать — тоже въ галошахъ, въ шапкахъ, въ глухо-застегнутыхъ пальто. Это — сту-

денты. Имъ платять жалованье. Только-бы учились. Но ни семь тысячъ жалованья въ мѣсяцъ, ни паекъ—ежедневно фунтъ невыпеченнаго хлѣба какаго-то загадочнаго состава, ни горсть пшена,—прокормить ихъ не могутъ. Они молоды, имъ ѣсть надо. И они служатъ, преподають, состоять инструкторами въ разныхъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденіяхъ для красноармейцевъ и матросовъ. И — спекулируютъ.

Студентъ — спекулянтъ такое-же, никого не смущающее, явленіе, какъ молоденькая курсистка—инструкторша на курсахъ стратегіи и фортификаціи.

Студенческое жалованье и паекъ—одинъ изъ видовъ социальнаго обезпеченія — такой-же карточный домикъ, какъ и самый институтъ социальнаго обезпеченія. Полфунта, три четверти, въ лучшемъ случаѣ—фунтъ сквернаго хлѣба, горсть проса, изрѣдка, праздника ради, кусокъ селедки, не-топленый, неосвѣщаемый уголь — въ пріютахъ и богадѣльняхъ къ тому-же и вшивый уголь, никого не спасаютъ.

Люди хирѣють, болѣють и умирають.

III.

„Здравоохраненіе“.

Врачи, больницы также безсильны въ борьбѣ съ голодомъ и холодомъ, какъ безсильны въ борьбѣ съ эпидеміями.

Въ каждой больницѣ распоряжается теперь такъ называемая „революціонная тройка“, выбираемая изъ персонала низшихъ служащихъ, изъ партійныхъ коммунистовъ.

Въ очень большихъ больницахъ, какъ напримѣръ, психіатрическая больница Александра III-го (теперь третья психіатрическая больница)—вмѣсто „тройки“ — „революціонная пятерка“.

Въ рукахъ „революціонной тройки“ или „пятерки“—хозяйственная часть, контроль надъ діэтой, назначаемой врачами, урегулированіе обязанностей сестеръ, сидѣлокъ и сторожей, распределеніе казенныхъ квартиръ, раскладка жалованья. Низшій персоналъ служащихъ, объединенныхъ въ

1918 г. въ „Профессиональный союзъ низшихъ больничныхъ служащихъ“—въ непрекращающейся оппозиціи къ высшему медицинскому персоналу. Союзъ давно уже уравнилъ врачей въ жалованіи съ сестрами и сидѣлками, уравнилъ и въ пайкѣ. Врачи, естественно, вынуждены занимать по двѣ, три должности, искать практики на сторонѣ. Низшій персоналъ, прикованный своими обязанностями къ тому или иному учрежденію, естественно, считаетъ себя обиженнымъ судьбою, что, разумѣется, мало содѣйствуетъ нормальнымъ отношеніямъ между нимъ и медицинскимъ персоналомъ.

Надо замѣтить, что петроградскіе, да и московскіе врачи, работающіе подъ бдительнымъ и подозрительнымъ надзоромъ „революционныхъ троекъ“, не въ большой милости у совѣтской власти. — На состоявшейся въ маѣ мѣсяцѣ конференціи петроградскихъ врачей выставлено было требованіе объ отмѣнѣ смертной казни. Призывы петр. Комисс. Здравоохран. Первухина къ дружной работѣ съ совѣтской властью были высмѣяны. На пиоговскомъ съѣздѣ въ концѣ августа этого года опять возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни. Врачи вынесли суровую резолюцію. Комиссаръ Здравоохраненія, бывший парижскій эмигрантъ, состоявшій врачомъ и преподавателемъ при русской школѣ въ Plessis—Riquet (подъ Парижемъ) Н. А. Сѣмашко — въ своей отвѣтной рѣчи на этомъ съѣздѣ потребовалъ отъ врачей „безпрекословнаго повиновенія“.

Какъ ни фальсифицировались въ Петроградѣ послѣдніе и предыдущіе выборы, къ какимъ хитростямъ и уловкамъ не прибѣгали больничные служащіе, чтобы отстранять врачей отъ непосредственнаго участія въ выборахъ, отъ петроградскаго союза врачей и больничныхъ служащихъ, все-же прошелъ безпартійный делегатъ, извѣстный въ Петроградѣ врачъ, Власова-Горовицъ.

Заставлять вѣчно-недоѣдающихъ, полуголодныхъ сидѣлокъ и сторожей выполнять необходимую работу, слѣдить за чистотой и порядкомъ — врачи безсильны. Каждая петроградская больница — авгіева конюшня. Мыла отпускается боль-

ницамъ на 60⁰/₁₀ меньше минимальнаго необходимаго расхода. Дровъ — того меньше. Результаты стирки въ нѣкоторыхъ больницахъ сводятся къ тому, что простыни возвращаются въ палаты съ унесенными въ прачешную вшами. Тяжко—больныхъ кормятъ тѣмъ-же кислымъ хлѣбомъ, той-же пшенной кашей, лишь приправленной клюквеннымъ киселемъ на сахаринѣ.

Медикаментовъ нѣтъ. Антисептическихъ средствъ нѣтъ. Это не мѣшаетъ, однако, совѣтскимъ газетамъ кричать объ успѣшной борьбѣ съ эпидеміями. Объ успѣшности этой борьбы краснорѣчиво говоритъ запротокколированное на послѣдней конференціи петроградскихъ врачей соотношение смертности и рождаемости за этотъ годъ: 63000 смертныхъ случаевъ и 8000—рождений.

Въ издающемся въ Стокгольмѣ — полагать надо, на русскія деньги — журналѣ „Sturmglöcke“, въ восьмомъ выпускѣ этого года, напечатана была статья, въ которой сказано было буквально, что въ то время, какъ дѣтская смертность растетъ во всей Европѣ съ ужасающей быстротой, въ Россіи она понизилась до самаго ничтожнаго процента. Объясняется это превосходнымъ даровымъ дѣтскимъ питаніемъ.

Нѣтъ надобности добавлять, что статью эту совѣтская печать отмѣтила съ большимъ сочувствіемъ.

IV.

Наука въ Совѣтской Россіи.

Этимъ лѣтомъ много говорили въ Петроградѣ о перепискѣ знаменитаго ученаго проф. Павлова, фізіолога, съ Ленинымъ.

Профессоръ Павловъ обратился къ Ленину съ письмомъ, въ которомъ просилъ разрѣшенія на выѣздъ за-границу. Онъ указалъ на то, что, будучи по лѣтамъ уже не трудообязаннымъ, онъ чувствуетъ, однако, что могъ бы еще послужить наукѣ въ нормальныхъ условіяхъ жизни. Та же обстановка, въ которой онъ живетъ уже почти три года, уби-

ваеъ его силы и сокращаетъ его и безъ того не долгіе дни. Въ теченіи двухъ зимъ большая часть его времени уходила на разную черную работу по дому: онъ таскалъ воду на пятый этажъ въ свою квартиру, пилилъ дрова, когда удавалось достать ихъ немного, кололъ щепки, разыскивалъ провизію. Третьей такой зимы ему не выжить. А потому онъ просить и т. д.

Профессору Павлову, Ленинъ отвѣтилъ письмомъ, подписаннымъ Бончъ-Бруевичемъ (управляющимъ дѣлами совѣта народныхъ комиссаровъ), въ которомъ заявлялъ, что отпустить его за-границу никакъ не можетъ. Онъ нуженъ Россіи, какъ научная сила. Притомъ же его расчетъ на спокойную жизнь въ Европѣ ошибоченъ. Вся Европа въ броженіи, и врядъ-ли онъ найдетъ тамъ благопріятную обстановку для своей научной работы. Ему дадутъ усиленный паекъ, повысятъ окладъ жалованья, дадутъ теплую квартиру и всѣ необходимыя пособія для научныхъ занятій. А за границу ему ѣхать не зачѣмъ. Профессоръ Павловъ написалъ вторично, что никакихъ льготъ онъ принять не можетъ, когда одинъ изъ его товарищей по работѣ умираетъ на той же лѣстницѣ, гдѣ живетъ и онъ, отъ цынги, другой отъ туберкулеза, нажитаго въ такихъ же дикихъ условіяхъ, отъ какихъ хочетъ уйти онъ. Онъ привелъ около двадцати пяти именъ русскихъ ученыхъ, находящихся въ такомъ же тяжкомъ безвыходномъ положеніи. Для себя онъ просилъ только одного: отпустить его за-границу, гдѣ онъ могъ бы заниматься тѣмъ, что составляетъ смыслъ его существованія: наукой. На это письмо отвѣта не послѣдовало. Но устно было доведено до свѣдѣнія проф. Павлова, что тонъ его письма наводитъ на мысль о возможности враждебнаго Совѣтской власти выступленія, если онъ очутится за предѣлами Россіи. Его имя могло бы придать вѣскость его пристрастнымъ заявленіямъ, что, конечно, не желательно и потому на разрѣшеніе выѣзда за-границу ему рассчитывать нечего.

Въ тѣ дни, когда въ Петроградѣ и въ Москвѣ шли толки объ этомъ письменномъ и устномъ

обмѣнѣ нотѣ между профессоромъ Павловымъ и Ленинымъ, умерли одинъ за другимъ профессора Тураевъ, Шахматовъ, Бѣлоголовый.

Въ Москвѣ профессоръ Покровскій, втащившій на пятый этажъ вязанку дровъ, — тутъ же умеръ отъ разрыва сердца.

Проф. Шахматовъ и Тураевъ умерли отъ незначительныхъ заболѣваній гастрического характера, которыхъ не вынесъ ихъ истощенный организмъ. Минувшей зимою проф. Шахматовъ возилъ на салазкахъ свою умершую мать на кладбище. Смертность въ тѣ дни была такъ велика, что покойники ждали очереди цѣлыми недѣлями. На кладбищѣ проф. Шахматовъ собственноручно рылъ могилу, послѣ чего нѣсколько недѣль хворалъ. До послѣдней минуты, пока не слегъ, работалъ напряженно, жадно пользуясь весенними и лѣтними днями, и съ ужасомъ говорилъ о предстоящихъ зимнихъ мѣсяцахъ, до которыхъ не дожилъ.

Выживутъ-ли другіе? Выживутъ ли многіе?

О всевозрастающей смертности среди ученыхъ очень осторожно упоминалось въ Совѣтской печати, за то очень обстоятельно расписывались заботы Совѣтской власти о поддержаніи ученыхъ силъ страны, которыя Горькій въ одномъ своемъ письмѣ къ Ленину назвалъ „мозгомъ русскаго народа“.

Трубили на всѣ лады о пресловутомъ ученномъ пайкѣ. Одинъ изъ бывшихъ Шлиссельбургскихъ узниковъ, тоже получающій въ качествѣ лектора чего-то этотъ ученый паекъ, какъ-то сравнивалъ его съ пайкомъ, который получали въ свое время они въ Шлиссельбургской крѣпости, съ пайкомъ, на который они вѣчно роптали. Ученый паекъ позорно провалился въ сопоставленіи съ пайкомъ каторжниковъ.

Ученые получаютъ полтора фунта хлѣба въ день — вмѣсто фунта, который выдается служащимъ всѣхъ совѣтскихъ учреждений. Но хлѣбъ этотъ цѣлая шарада. Моя первая составная часть — невѣдомый злакъ, вторая — новоизобрѣтенное химическое вещество, а цѣлое — липкая пахнущая кислымъ масса, которая къ тому же на второй

или третій день покрывается какими-то подозрительными пятнами. Ъсть эту массу—невозможно. Во всякомъ случаѣ требуется для этого большая рѣшимость. Большинство награждаемыхъ этимъ хлѣбомъ, снѣшить сбыть его съ рукъ, обмѣнять на мерзлый картофель или мерзлую свеклу, и въ свою очередь наградить довѣрчивыхъ людей липкой подозрительной массой. Профессора получаютъ около двѣнадцати фунтовъ пшена, наполовину съ просомъ, около восьми фунтовъ тухлой трески или селедкѣ, полтора фунта постнаго масла, два съ половиною фунта сахару.

Съ іюля мѣсяца эту порцію сократили. Въ знакъ особеннаго радѣнія о научныхъ силахъ Россіи, этимъ научнымъ силамъ выдаются еще двѣ, кажется, даже три плитки, какого-то страннаго вкуса и цвѣта продукта, именуемаго почему-то шоколадомъ. Этогъ продуктъ — предметъ злобно-завистливыхъ замѣчаній со стороны не получающихъ его, и предметъ печальныхъ шутокъ, сподобившихся получить его.

— Подумайте, шоколадъ Вотъ кому живется сытно на Руси... Шоколадъ, подумать надо...

Но профессорамъ шоколадъ впрокъ не шель — они ѣли его и умирали.

Въ то самое время, какъ хоронили одного за другимъ Тураева, Шахматова, Бѣлоголоваго, въ то время какъ профессоръ Павловъ дѣлалъ безуспѣшныя попытки уйти изъ совѣтской Россіи, въ петроградскихъ газетахъ началась кампанія противъ интеллигенціи вообще, въ частности противъ профессоровъ. Открылась кампанія съ доноса, подписаннаго псевдонимомъ „Чужой“. Статья съ инсинуаціями на профессоровъ, занимающихъ анти-совѣтскую позицію, съ выдержками-передержками изъ ихъ лекцій. Статья эта была такъ непристойна и скандальна, что вызвала возраженіе подписанное Горькимъ, профессоромъ Ольденбургомъ и ректоромъ педагогическаго института Пинкевичемъ. Возраженіе, сокращенное редакціей, искаженное, помѣщено было съ примѣчаніемъ Зиновьева, отмѣтившаго великодушную готовность редакціи дать мѣсто возраженію — искаженному и сокращенному.

Послѣдовалъ цѣлый рядъ статей за той же подписью „Чужой“, на которыя никто уже не возражалъ,—полныхъ клеветническихъ нападокъ, доносовъ, гнусныхъ намековъ. И завершился крикливымъ письмомъ: „Нѣтъ, намъ не по пути“. „Не по пути имъ“ съ интеллигенціей, во всей ея совокупности, въ частности съ профессорами, которые не „устаютъ плакаться на принижающій, угашающій духъ, обезличивающій физическій трудъ“. (Курсивъ автора пасквиля). — „Вы забываете, генералы отъ науки, что этотъ самый, непришедшійся вамъ по вкусу трудъ, исполняли до сихъ поръ сотни тысячъ людей, за счетъ которыхъ вы учились, творили и приобрѣтали знанія, которыми такъ кичитесь.“

Эта статья, конечно, тоже должна была остаться безъ возраженія.

У правотѣрныхъ читателей, „Правды“ и „Извѣстій“, на которыхъ были рассчитаны эти статьи, впечатлѣние должно было получиться убѣдительное: „Вотъ они, кто отравляетъ колодцы холерой Ату ихъ“

На этомъ кампанія прекратилась до поры до времени, когда изъ тактическихъ соображеній, опять покажется цѣлесообразнымъ натравливать голодную массу на интеллигенцію.

Пока что, профессора въ предвкушеніи надвигающейся зимы, безъ свѣта, безъ дровъ, безъ галошъ и безъ валенокъ, сидятъ на своихъ голодныхъ при шоколадѣ пайкахъ и ждутъ:

„Сегодня ты —, а завтра я.“

Нападки на интеллигенцію, которымъ предшествовали и слѣдовали аресты видныхъ дѣятелей науки и вызвало обращеніе Горькаго къ Ленину съ письмомъ, ходившимъ въ Петроградѣ и Москвѣ по рукамъ. Приводимъ его полностью:

Владиміръ Ильичъ, убѣдительно прошу васъ принять и выслушать профессора В. Т. Тонкова, президента Военно-Медицинской академіи.

Здѣсь арестовали нѣсколько десятковъ виднѣйшихъ русскихъ ученыхъ, въ ихъ числѣ: Дени, Осиповъ, Терешинъ, Бушъ, Крогиусъ, Ольден-

бургъ, Бѣлѣголовый, Э. Гриммъ и проч. и проч. Считаю нужнымъ откровенно сообщить вамъ мое мнѣніе по этому поводу.

Для меня богатство страны, сила народа выражается въ количествѣ и качествѣ интеллектуальныхъ силъ. Революція имѣетъ смыслъ только тогда, когда она способствуетъ росту и развитію этихъ силъ. Къ людямъ науки слѣдуетъ относиться возможно бережливѣе и уважительнѣе — особенно необходимо у насъ, гдѣ семнадцатилѣтніе мальчики идутъ въ казармы и на бойню гражданской войны, и гдѣ ростъ интеллектуальныхъ силъ страны будетъ надолго задержанъ.

Мы, спасая свои шкуры, рѣжемъ голову народу, уничтожаемъ его мозгъ.

Очевидно, у насъ нѣтъ надежды побѣдить и нѣтъ мужества съ честью погибнуть, если мы прибѣгаемъ къ такому варварскому и позорному приему, какимъ я считаю истребленіе культурныхъ силъ страны.

Что значитъ этотъ приемъ самозащиты, кромѣ выраженія нашей трусости и признанія слабости, и, наконецъ, желанія мести за нашу собственную бездарность.

Я рѣшительно протестую противъ этой тактики, которая поражаетъ мозгъ народа и безъ того достаточно нищаго духовно. Знаю, что вы скажете обычные слова: „политическая борьба.“ — „Кто не съ нами, тотъ противъ насъ.“ — „Нейтральные люди опасны“ и пр.

Огромное большинство представителей положительной науки — нейтрально и объективно, какъ сама наука: это люди аполитичные. Среди ихъ большинство старики, больные. Тюрьма убьетъ ихъ. Они достаточно уже истощены голодомъ.

Владиміръ Ильичъ, я становлюсь на ихъ сторону и предпочитаю арестъ и тюремное заключеніе — участію, хотя-бы и молчаливому, въ истребленіи лучшихъ, цѣннѣйшихъ силъ русскаго народа.

Для меня стало ясно, что „красные“ — такіе же враги народа, какъ и „бѣлые“.

Лично я, разумѣется, предпочитаю быть уничтоженнымъ „бѣлыми“ — но и „красные“ — тоже не товарищи мнѣ.

Позвольте надѣяться, что вы поймете меня.

М. Горькій.

V.

Борьба съ преступностью въ Совѣтской Россіи.

Минувшей весной (1920 г.) отдѣлъ управленія дѣлами Петроградскаго Совѣта, возглавляемый нѣмой Равичъ и Каплуномъ — молодой человѣкъ, электротехникъ, — сдѣлалъ попытку привлечь интеллигентныхъ работниковъ на борьбу съ преступностью. Работа показалась многимъ увлекательной, обещающей результаты.

Тѣ, кто на работу эту пошли, узнали: преступность въ Петроградѣ такъ велика, что борьба съ ней должна вестись въ исполинскомъ масштабѣ. Намѣчалось пять лагерей принудительныхъ работъ, иначе — трудовыхъ колоній. Корпуса бывшаго завода Кенига для главнаго концентраціоннаго лагеря и распредѣлительнаго пункта. Здѣсь предполагалось оставлять закоренѣлыхъ, туго поддающихся нравственному воздѣйствію преступниковъ.

Второй лагерь — бывшая тюрьма „Кресты“, затѣмъ „Знаменка“, — бывшая отлично оборудованная психіатрическая больница по Ириновской жел. дор., „Чесменка“ — бывшая чесменская богадѣльня у Московской заставы, и Трудовая колонія на станціи Разливъ, бывший дѣтскій пріютъ, имени царевича Алексѣя. Эта колонія предназначалась исключительно для женщинъ, проституттокъ и спекулянттокъ.

Въ то время, когда начиналась мнимая организация этой работы, четыре лагеря уже переполнены были арестованными. Въ Крестахъ и на за-

водѣ Кенига находились уже преступники, доведенные голодомъ, побоями и вшами до звѣринаго состоянія. Ихъ держали въ изоляторахъ, нѣкоторыхъ на цѣпяхъ.

Приглашеннымъ сотрудникамъ заявлено было, что хотя людей, культурныхъ силъ, покуда мало, но тѣмъ не менѣе, культурно-просвѣтительная работа въ Крестахъ, на Знаменкѣ, на заводѣ Кенига поставлена удовлетворительно. Мастерскія дѣйствуютъ. Не хватаетъ еще только театра, музыки и художественныхъ курсовъ. Оставалось восполнить этотъ пробѣлъ и наладить работу въ пустомъ еще, не отапливавшемся всю зиму огромномъ домѣ на станціи Разливъ. Приглашеннымъ организаторамъ открывались перспективы самой широкой свободной инициативы. Техническая, хозяйственная часть поручена была лицамъ, которыхъ мы, приглашенные организаторы, не знали. Увидали ихъ впервые на первомъ организаціонномъ совѣщаніи: рѣшительнаго вида молодые люди, съ бѣгающими глазами и затѣйливыми перстнями на пальцахъ.

У взявшихся за культурно-просвѣтительную работу разыгралась фантазія. Сдѣлать изъ налетчика, изъ убійцы — честнаго труженика, изъ проститутки — уважающую себя, достойную уваженія женщину... Для этого стоило поработать и даже пойти на компромисъ совмѣстной работы съ представителями совѣтской власти. Казалось: перевести несчастныхъ людей въ нормальныя условія, обучить ихъ ремеслу, приобщить радости, какія даются книгой, творчествомъ, художественными впечатлѣніями, дать человѣку возможность осознать себя... И сдѣлано будетъ большое дѣло, которое оправдаетъ совмѣстную работу съ большевиками. Соня Мармеладова, Надежда Николаевна, Липочки, Саши, Тани... — Горькаго... Такой матеріалъ въ рукахъ людей, которые сумѣютъ найти подходъ къ ихъ душѣ, освѣщенной намъ талантомъ большихъ писателей.

Въ воображеніи замелькали самыя чудесныя возможности.

Въ Колоніи предполагалось въ широкомъ масштабѣ: садоводство, огородничество, мелкое животноводство, кустарныя мастерскія, школы — кройки и шитья, школы грамотности, общеобразовательные курсы, пѣніе, музыка и театральная студія.

Первымъ дѣломъ надо было найти людей, которые бы всѣ эти курсы организовали и всѣмъ этимъ предметамъ обучали.

Но тутъ то и встрѣтилось препятствіе, опредѣлившее весь дальнѣйшій ходъ работы.

Предложены были въ сотрудницы двѣ сестры В. А. Мякотина — общественныя дѣятельницы, учительницы съ двадцатипятилѣтнимъ педагогическимъ стажемъ. Предложеніе было отклонено. Каплунъ, управляющій подотдѣломъ Петросовѣта, укоризненно покачалъ головой; „Сестры Мякотина“..

Одна умная, культурная женщина предложила свои услуги — она жаждала живого интереснаго дѣла. Предложеніе ея оставлено было безъ отвѣта. Причина: сына ея за нѣсколько недѣль до того разстрѣляли по подозрѣнію въ контръ-революціонной дѣятельности. Мною тоже рекомендованная молодая ученая, докторъ соціологическихъ наукъ, хотя и попала въ списокъ сотрудниковъ, но къ работѣ не была допущена. Она произвела въ бесѣдѣ впечатлѣніе чловѣка, чуждаго „пролетарской идеологіи“.

Такимъ образомъ, подходящихъ для работы людей намѣчалось мало. Слишкомъ мало для того, чтобы приступить къ работѣ въ томъ масштабѣ, въ какомъ она предполагалась.

Тогда естественно было заинтересоваться, какъ же поставлена работа въ другихъ лагеряхъ принудительныхъ работъ при такой малой наличности интеллигентныхъ работниковъ. Доступъ въ эти лагеря оказался не легкимъ.

Но, въ концѣ-концовъ, благодаря разнымъ импонирующимъ бумажкамъ, мандатамъ — инструктора, организатора — доступъ былъ полученъ.

Да, администрація этихъ лагерей имѣла основаніе оберегать отъ любопытныхъ взоровъ ввѣренныя ей учрежденія.

Никакая культурно-просвѣтительная работа нигдѣ не велась. Никакія мастерскія нигдѣ не дѣйствовали.

Двѣ—три швейныхъ машины—на цѣлое заведеніе,—на которыхъ три-четыре женщины строчили изъ грязной рѣдины больничные халаты.

Въ одномъ лагерѣ оказался убогій наборъ сапожныхъ инструментовъ, двѣ-три колодки, нѣсколько паръ деревянныхъ подметокъ. Это и была „великолѣпно-поставленная мастерская обуви“ о которой намъ протрубили уши въ отдѣлѣ. Арестантовъ кормили скверно-пахнущей водянистой похлебкой — въ полдень, кипяткомъ и кислымъ хлѣбомъ—вечеромъ. По всѣмъ корпусамъ, по всѣмъ этажамъ—грязь, мусоръ, вши и зловонье.

Арестантовъ, мужчинъ и женщинъ, угоняли съ раннего утра на общественныя работы. Они таскали дрова съ барокъ, ломали деревянные дома на топливо, возили за городъ нечистоты. — Возвращаясь въ лагеря, ругались, сквернословили, замышляли побѣги, осуществляли ихъ, или подъ страхомъ новыхъ наказаній, съ скрежетомъ зубнымъ сдерживали свою ярость до поры до времени. Библиотеки, умѣло, внимательно составленной, не оказалось нигдѣ. Книжки, которая бы успокоила, развлекла, утѣшила въ горѣ, не оказалась ни одной.

Были — реквизированные, натасканные изъ частныхъ библиотекъ и книжныхъ магазиновъ книги—такія-же, какія въ изрядномъ количествѣ доставлены были и въ Трудовую Колонію на станціи Разливъ, въ наше вѣдѣніе: философскіе труды Риккера, Виндельбандта, введеніе въ философію Челпанова, Кюльбе, психологія Липпса, „Монашество въ средніе вѣка“ — Карсавина, „Античное міросозерцаніе“ — Карелина, „Міръ какъ представленіе“ — Шопенгауэра, „Мысли“ — Паскаля и нѣсколько брошюркъ Ленина и Зиновьева. Цѣль этого набора книгъ для арестованныхъ спекулянтскъ и ночныхъ героинь Невскаго и Лиговки, была однако, достигнута. Библиотечный шкафъ напихали книжнымъ грузомъ. Блефъ — былъ замаскированъ.

Наладить физическій трудъ въ трудовой колоніи на ст. Разливъ, разумѣется, тоже оказалось невозможнымъ. Для садоводства и огородничества не оказалось самаго существеннаго: приличнаго по размѣрамъ участка земли. А для отведеннаго клочка — не оказалось ни заступовъ, ни сѣмянъ, ни водяного рукава, ни леекъ. Ничего.

Для мелкаго животноводства — ни большихъ, ни мелкихъ животныхъ, ни клѣтей, ни инструктора, который бы это дѣло организовалъ. Рекомендованный мною человекъ, культурный, образованный, бывшій владѣлецъ образцовой фермы подъ Петроградомъ, не произвелъ должнаго впечатлѣнія. Контрь-революціонный обликъ его показался, повидимому, опаснымъ въ смыслѣ нежелательнаго вліянія, которое онъ могъ-бы имѣть на кроликовъ и каплуновъ, если бы поручили ему ихъ выводить.

Машины швейныхъ и чулочныхъ, — о наличности ихъ въ количествѣ многихъ дюжинъ намъ твердили нѣсколько недѣль, — машинъ не оказалось ни одной. Подъ шумокъ организационныхъ совѣщаній и разговоровъ, люди, которымъ поручена была хозяйственная и техническая часть дѣла, — успѣли уже эти машины увезти и распродать. Не оказалось иголокъ, нитокъ, ни ножницъ ни матеріала, который можно было-бы этими ножницами кроить и на этихъ машинахъ строчить.

Кормили мутными, пустыми супами — въ полдень, кипяткомъ и кислымъ хлѣбомъ — вечеромъ.

За предложеніе работать въ этомъ учрежденіи ухватился неутомимый, благородный идеалистъ, талантливый актеръ, руководитель Передвижнаго Театра — Павелъ Павловичъ Гайдебуровъ. Но попытки его — приобщить радостямъ искусства голодныхъ, уличныхъ женщинъ, арестованныхъ въ притонахъ спекулянтокъ, среди которыхъ были и арестованныя за продажу на рынкѣ послѣдней скатерти, послѣдняго платья — попытки эти конечно, не могли дать ничего, кромѣ осадка горечи.

Вѣчно раздраженныя, вѣчно голодныя, нетерпѣливо ждавшія истеченія срока наказанія жен-

щины уставали за день безтолковой толчеи, безъ дѣла, и къ вечеру, когда начинались занятія въ художественныхъ классахъ, могли реагировать на „духовную пищу“ — только глухимъ глумленіемъ, только мертвымъ равнодушіемъ. По желанію вышшаго начальства, отчаявшагося удовлетворить арестантокъ сколько-нибудь сноснымъ продовольствіемъ, въ программу студіи включена была ритмическая гимнастика и пластика.

Это не анекдотъ — такъ оно было.

Ритмическая гимнастика и пластика были раньше достояніемъ буржуазныхъ школъ и страдающихъ ожиреніемъ дамъ. Мы, большевики, сдѣлаемъ ритмическую гимнастику и пластику достояніемъ проститутокъ и спекулянттокъ.

За хорошими словами — дѣла не стало; раскрѣпошенный духъ — раскрѣпошенное тѣло.

Такъ было въ древней Греціи.

И несчастныя, запуганныя угрозами женщины, попрыгали разъ — другой, въ подоткнутыхъ грязныхъ юбкахъ, и наканунѣ третьяго или четвертаго урока написали коллективное заявленіе: „Мы голодныя... Мы арестантки... Мы не хотимъ учиться балету...“

Этимъ окончились попытки насадить духъ древней Паллады въ грязныхъ, вшивыхъ лагеряхъ принудительныхъ работъ, среди голодныхъ, необутыхъ и не одѣтыхъ арестантокъ.

Убѣдившись, что онѣ ничему въ трудовыхъ колоніяхъ не обучатся, никакихъ знаній, никакого ремесла, которыя вооружили-бы ихъ для борьбы съ жизнью, онѣ здѣсь не приобрѣтутъ, арестованныя стали убѣгать изъ лагеря. Побѣги въ большинствѣ случаевъ, удавались, такъ какъ устраивались при содѣйствіи караула. А тамъ ихъ опять встрѣчали на Лиговкѣ, на Невскомъ, на прежней работѣ.

Къ тому времени, когда я подала заявленіе объ стчисленіи меня отъ инструкторства въ Трудовой колоніи на ст. Разливъ, въ іюль мѣсяцѣ, тамъ оставалось изъ ста пятидесяти интернированныхъ въ маѣ — около 35-ти женщинъ.

Повальное бѣгство арестованныхъ изъ всѣхъ другихъ лагерей принудительныхъ работъ въ Пет-

роградѣ, и дало, очевидно, смѣлость г-жѣ Равичъ (управляющей дѣлами Петросовѣта) заявить въ одномъ засѣданіи Петросовѣта, что уличныя женщины и спекулянтки, послѣ недолгого пребывания въ трудовыхъ колоніяхъ замѣтно преобразуются и возвращаются на путь честной трудовой жизни.

Тѣмъ временемъ, завѣдующіе хозяйственной и технической частью, облеченные довѣріемъ „свои люди“—которые могли каждую минуту упечь въ Чрезвычайку неугоднаго „не своего“ человѣка (что они и дѣлали)—эти молодые люди съ затѣйливыми перстнями на пальцахъ, тѣмъ временемъ не дремали.

Средствъ на оборудованіе лагерей принудительныхъ работъ отпущено было много. И „облеченные довѣріемъ“, разсудили, что самое правильное употребленіе отпущенныхъ суммъ, это: обезпечить ими свое пребываніе на землѣ. Такъ поступилъ и кварталный надзиратель въ рассказѣ Чехова „Доброе дѣло“ съ пожертвованными какимъ-то благодѣтелемъ деньгами на „доброе дѣло“.

Слухи о хищеніи, о безстыжемъ подотдѣлѣ проникали въ общество давно. Громко говорить объ этомъ не находилось смѣльчаковъ. — „Недовольство и порицаніе совѣтской власти должны караться по всѣмъ строгостямъ закона, какъ игрываніе съ зарубежными контръ-революціонерами“. Этислова Ленина, изъ рѣчи произнесенной въ одномъ засѣданіи Исполкома—стояли передъ всѣми *memento* обуздывавшемъ гражданскую смѣлость.

Изъ Петрограда сообщаютъ теперь о финалѣ дѣятельности этихъ „своихъ“ партійныхъ людей. Юдинъ, завѣдующій хозяйственной частью подотдѣла принудительныхъ работъ, разстрѣлянь за хищеніе трехъ милліоновъ рублей. Сподвижники его Рогачевъ, Симановичъ и другіе присуждены къ разнымъ срокамъ общественныхъ работъ.

У власти стануть теперь другіе „свои люди“ — которымъ разстрѣлянные и арестованные воры, очевидно, стали на дорогѣ.

Такъ завершилась комедія борьбы совѣтской власти съ преступностью: обманомъ, ложью преступленіемъ и апофеозомъ: к ъ р а з с т р ѣ л у !

Искусство и литература.

Ни въ одной странѣ земнаго шара нѣтъ въ настоящее время такого обилія всевозможныхъ представленій и концертовъ, какъ въ Петроградѣ и Москвѣ нашихъ дней.

Тяготѣніе Совѣтской власти къ искусству — весьма велико, оно неодолимо.

Искусство, театр, музыка, балетъ для Совѣтской власти — костыль, опій, гашишъ, которыми она пользуется, когда надо на что-нибудь опереться въ своей духовной беспомощности, когда надо оглушить, одурманить массу, надъ которой она производитъ свои коммунистическіе эксперименты.

Актеры, пѣвцы, музыканты — всѣ мобилизованные. Въ Государственныхъ театрахъ спектакли — только для красноармейцевъ и матросовъ, и профессиональныхъ союзовъ. Александринскій театръ доступенъ для публики, для платной публики, разъ въ недѣлю, въ воскресенье вечеромъ, Мариинскій — два раза въ недѣлю. Другіе театры обязаны по первому требованію отмѣнять продажу билетовъ, и закрыть доступъ публикѣ. Театры всегда переполнены. Преобладаютъ и на даровыхъ, и на платныхъ спектакляхъ гимнастерки и матроскія куртки.

О томъ, какъ теперь ставятъ пьесы, говорить не приходится. Нѣтъ холста, нѣтъ красокъ для декораций. Нечѣмъ обновить и дополнить часть обветшавшую, частью раскраденную бутафорію. О томъ, какъ играютъ теперь актеры, какъ поютъ артисты, говорить еще тяжело. Должно съ горечью сознаться, далеко, далеко не всѣ остались на высотѣ своего призванія. Увы, очень многіе поддались разлагающему вліянію условій, въ которыхъ протекаетъ работа нечуткихъ, неинтеллигентныхъ людей, представляющихъ собою театральное начальство. И у многихъ слишкомъ явна тенденція не возвышать своимъ искусствомъ хлынувшую въ театры улицу, а принижать свое искусство до уровня ея пониманія.

Духовнаго контакта между сценой и зрительнымъ заломъ нѣтъ.

Окрыляющаго исполнителей созвучія еще меньше. Въ театры, въ концертныя залы сгоняють голодныхъ, усталыхъ людей, хилыхъ безкровныхъ дѣтей. Вопль о хлѣбѣ заглушается угрозами. Зрѣлища навязываются для усыпленія мыслей о хлѣбѣ. Настроение аудиторіи не можетъ не отражаться на исполненіи артистовъ. Щадить свои голоса, шлифовать роли, углублять свое дарованіе — недоступная теперь роскошь.

Артисты — халтурятъ.

Халтура—на объясненіе этого слова потрачено не мало словъ и чернилъ. Халтура, это— работа, сдѣланная кое-какъ, лишь бы сдѣлать, лишь бы отвязаться. Сдѣлать—какъ можно меньше, получить, какъ можно больше.

Пѣвцы, артисты съ громкими европейскими именами выступаютъ въ двухъ, трехъ мѣстахъ въ одинъ вечеръ. Извошиковъ нѣтъ, автомобилей нѣтъ, трамвайное сообщеніе прекращается въ шесть часовъ вечера, а то и раньше. Артистовъ развозятъ на „больныхъ“ грузовикахъ, или въ долгушахъ — изъ одного грязнаго театра въ другой, изъ одного накуренаго душнаго помѣщенія въ другое.

Лѣтомъ, когда еще свѣтло въ театральные часы, можно было видѣть каждый день такія картины: бѣжить автомобиль — грузовикъ (не очень быстро — онъ больной). Въ немъ кумиры петербуржцевъ и москвичей, слава и гордость русскаго искусства за-границей: Ершовъ, Акимова, Боссе, Черкасская, Маклецова, Смирнова, Виллѣ, Люкомъ . . . у нихъ такія усталыя, раздраженныя лица . . . Нѣтъ никакихъ сомнѣній: уже не въ первый разъ везутъ ихъ сегодня въ этихъ грузовикахъ исполнять номера.

Дальше—дребезжащая долгуша. Ведринская, Домашева, Брянь, Лешковъ. Куда-то еще поволокутъ ихъ сегодня? Точно помѣщичьихъ, крѣпостныхъ, къ сосѣду на представленіе по случаю именинъ . . .

Кромѣ обязательныхъ по службѣ, по мобилизации спектаклей, надо еще халтурить въ частныхъ театрахъ. Надо выколачивать эти груды бумажекъ съ надписями на арабскомъ и китайскомъ языкахъ, что-бы не быть голодными самимъ, и не видѣть кругомъ голодныхъ лицъ близкихъ людей.

Не счастливыѣ актеровъ, пѣвцовъ, музыкантовъ и художники въ Совѣтской Россіи.

Не на чемъ писать. Нечѣмъ писать. Нѣтъ холста. Нѣтъ красокъ. У кого есть небольшой запасъ—тому негдѣ работать. Нечѣмъ отапливать мастерскую. У кого семья—негдѣ уйти въ работу, негдѣ сосредоточиться. Не говоря уже о вѣчной, угашающей духъ мысли о ѣдѣ, объ опоганивающемъ душу вѣчномъ вопросѣ: „Что дадутъ“? Въ кооперативѣ той или иной организаци— „Что дадутъ“.

Этотъ нищенскій подлый вопросъ въ глазахъ, въ устахъ ученаго, профессора, чистильщика сапогъ на углу улицы, знаменитой пѣвицы, конторской барышни-машинистки, озабоченной матери, и накрашенной дѣвицы, высматривающей кого-то на перекресткѣ.

„Что даютъ?“—съ этого начинается каждый разговоръ. Это заключительный аккордъ каждой встрѣчи.

„Что-то дадутъ?“.

Но наиболѣе тягостно положеніе дѣятелей художественнаго слова, писателей.

Уже къ первой годовщинѣ октябрьскаго переворота, большевики могли подвести побѣдный итогъ своей культурно-просвѣтительной работѣ: ни одной газеты, ни одного журнала, ни одного издательства. Чисто. Всѣ „буржуазные“ газеты и журналы, въ томъ числѣ и „Новая жизнь“—съ Горькимъ во главѣ, выкурены, и на коммунистическихъ щитахъ девизъ папы Григорія I-го: „Всякій мыслящій иначе да будетъ анаѣма.“

Негдѣ печататься. Нельзя писать. Трагедію, заключающуюся въ этихъ двухъ словахъ, могутъ понять лишь люди пишушіе, люди, для которыхъ

писать то-же, что жить, то-же, что дышать воздухомъ. Художникъ, поэтъ, писатель—должны быть свободны, какъ птицы. Въ Совѣтской Россіи художникъ, поэтъ, писатель — прикованные къ тачкѣ арестанты. Онъ лишентъ элементарной потребности живаго существа, — свободы передвиженія. Для того, что-бы отдалиться отъ Петрограда на десять верстъ, нужны разрѣшенія, пропуска, командировки, неизбѣжно — толкаться въ теченіи двухъ и трехъ недѣль по разнымъ совѣтскимъ учрежденіямъ, вплоть до чрезвычайекъ. (Между прочимъ, недавно введена новая мѣра — очевидно, для болѣе успѣшнаго улавливанія уѣзжающихъ по командировкѣ съ цѣлью спекуляціи или бѣгства за-границу: снимаютъ форму большого пальца синей краской по копіи пропуска.) — У художника, поэта, беллетриста нѣтъ притока свѣжихъ впечатлѣній. Сознаніе отрѣзанности отъ культурнаго міра, отъ Европы давитъ мучительнымъ ощущеніемъ неизбывной тюрьмы.

Передъ рождающеюся темой, передъ всплывающимъ образомъ, передъ нанизывающимися желанными словами — стоитъ злой издѣвкой *mento*: „Нельзя . . . этого писать нельзя . . .“ Вѣдь если — внезапный обыскъ, за это . . . Горюховая, за это — Чрезвычайка . . . Ибо, „каждый мысляшій инако, да будетъ анаѣма“.

И умираютъ слова. Гаснетъ образъ. Распыляется тема.

Талантъ подлинный бьется, какъ рыба въ сетяхъ. Духъ въ клѣткѣ. Мысль въ оковахъ. Талантъ теряетъ вѣру въ себя и угасаетъ. Не говоря уже о томъ, что писатель, поэтъ, переводчикъ художественныхъ произведеній въ любой день, въ любой часъ напряженной, срочной, необходимой для пропитанія работы, долженъ быть готовъ къ такому сюрпризамъ, какъ требованіе на окопную работу, на сгребаніе снѣга, чистку улицъ. — Двѣ такихъ повѣстки мнѣ удалось провести черезъ границу.

„По приказанію начальника внутренней обороны Петрограда Домкомбедъ ставитъ васъ въ из-

вѣстность, что Вы назначаетесь сегодня, 2-е ноября на вторую смѣну работу по укрѣпленію Петрограда. Явиться къ 1 часу дня въ 30-й участокъ Б. Пушкарская, 59. А. Ф. Даманской.

Вторая повѣстка лаконичнѣе.

„Списокъ мобилизованныхъ на 20-е ноября (вторая смѣна) въ домъ № 19 по Карповкѣ.

1) Дмитріева, Е. М.

2) Даманская, А. Ф.

И ходили. Тыкали заступами въ мерзлую землю. Скрѣпя сердце, ломали комедію рытья какихъ-то окоповъ, которые похожи были на что угодно, только не на окопы. Изумлялись развязности и лицемѣрію, съ какой инженеръ и техникъ, руководившіе комедіей этихъ работъ, дѣлали нелѣпые, ни съ чѣмъ несообразныя указанія. И выполняли эти указанія, зная, какъ знали инженеръ и техникъ, что въ лучшемъ случаѣ эти окопы могли-бы остановить развѣ только нѣсколько поросятъ, если-бы, задавшись захватными планами, они двинулись-бы походомъ на сосѣдній огородъ.

Писатели, переводчики чистили улицы, сгребали снѣгъ, нагружали грузовики — сваленными на улицахъ нечистотами.

Привлеченіе къ общественнымъ работамъ интеллигенціи давало, конечно, весьма сомнительные результаты. Участіе непривычныхъ къ черной физической работѣ людей, нисколько не двигало этой работы впередъ, но, простужаясь и хвоя, поэты, беллетристы, профессора теряли способность выполнять свою культурно-просвѣтительную, литературную работу, а замѣстителей на этой работѣ имъ не находилось.

Все заслонило, все поглотило вставшій передъ всѣми звѣрино-простой и жуткій вопросъ: „Какъ прокормиться? Какъ уберечь себя отъ холода?“. — Къ осени 1918 г. началась реквизиція „буржуазныхъ“ квартиръ.

Ө. Соллогуба изъ свѣтлой располагающей къ работѣ квартиры выселили въ холодную и сы-

рую, гдѣ съ трудомъ и въ одной лишь комнатѣ удавалось доводить температуру до 6-7 градусоѡвъ.

А. Ремизовъ жилъ всю зиму въ одной комнатѣ при пяти градусахъ, по нѣсколько недѣль не снимая пальто и галошъ.

Въ такихъ - же условіяхъ жилъ А. Амфитеатровъ съ многочисленной семьей, Е. Замятинъ, М. Кузьминъ, А. Волинскій и друг. Пріѣзжавшіе изъ Москвы рассказывали, что тамъ хуже.

Вопросы о томъ, что кто пишетъ — звучали глумленіемъ, издѣвательствомъ. Никто не писалъ и никто о работѣ не думалъ.

Довлѣла одна мысль: какъ убережъ себя отъ холодной и голодной смерти, и больше ничего.

Судьбу автора, книги и читателя рѣшаетъ Государственное издательство, во главѣ котораго стоятъ люди съ весьма, весьма скромнымъ багажомъ знаній и литературнаго опыта.

Свою дѣятельность Государственное Издательство начало съ печатанія партійной литературы и классиковъ. Въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ (за недохваткомъ бумаги) напечатаны по новой орѡграфіи произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, — кромѣ „Дневника“ и „Бѣсовъ“, — произведенія Герцена, Успенскаго и Некрасова.

Современныхъ писателей, кромѣ двухъ, трехъ, заявившихъ о своей „солидарности“, — Государственное Издательство постановило не печатать Сологубъ, Мережковскій, Гиппіусъ, Замятинъ, Сергѣевъ-Ценскій и др., какъ не уловившіе ритма эпохи, остались за бортомъ.

Печатаніе произведеній покойныхъ уже писателей опредѣляется партійными соображеніями.

Одно изъ послѣднихъ постановленій Государственной Коллегіи — не печатать и не допускать къ печатанію сочиненій Михайловскаго, Златовратскаго и другихъ народниковъ.

Выборъ иностранныхъ писателей, на которыхъ Государственное Издательство останавливаетъ вниманіе, опредѣляется только бумомъ, созданнымъ вокругъ имени того или иного автора. Такой

бумъ созданъ вокругъ именъ Ром. Роллана и Барбюсса, — Государственное Издат. печатаетъ Ром. Роллана и Барбюсса.

Самодѣльная и переводная революціонная беллетристика, такъ называемые „соціальные романы“ — изданные Государственнымъ Издат. — ждуть своего юмориста, если найдется когданибудь такой, который пожелаетъ удѣлить вниманіе всей этой макулатурѣ, никому не нужной, но поглотившей много денегъ, много бумаги и много труда.

Спасительную роль въ существованіи русскихъ писателей играло послѣдніе два года издательство „Всемирная Литература“.

Писатели — беллетристы, поэты, художественные критики, лишившіеся возможности писать и печатать свои произведенія, стали переводить, редактировать переводы, писать къ нимъ примѣчанія и предисловія.

Издательство „Всемирная Литература“ объединило всѣхъ безъ исключенія русскихъ писателей, поэтовъ, переводчиковъ, библиографовъ, критиковъ, — и спасло ихъ отъ голодной смерти.

Работа въ этомъ издательствѣ ведется автономно — хотя оно и существуетъ на отпущенныя Народ. Ком. Просвѣщенія — средства. Ведется подъ руководствомъ редакціонной коллегіи, въ составъ которой входятъ: проф. Э. А. Браунъ, А. Блокъ, А. Волынский, Н. Гумилевъ, М. Горькій, Е. Замятинъ, К. Чуковский и Н. Лернеръ.

Книгъ напечатано до сихъ поръ мало. Некому набирать и не на чемъ печатать.

Но если когда-либо увидятъ свѣтъ всѣ эти превосходныя книги, тщательно переведенныя такими литературными силами, какъ А. Блокъ, Н. Гумилевъ, А. Горнфельдъ, Ю. Бальтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, Вяч. Ивановъ и другіе, книги, снабженные обстоятельными примѣчаніями и предисловіями такихъ знатоковъ западно-европейской литературы, какъ недавно умершій проф. Э. Д. Батюшковъ, какъ проф. Браунъ, проф. Гревсъ,

А. Горнфельдъ. проф. Холодковскій, А. Кони и другіе, то вся эта работа и принимавшіе въ ней участіе, помянуты будутъ добрымъ словомъ.

Будемъ надѣяться, что работа эта станетъ общимъ достояніемъ при новомъ демократическомъ строѣ, въ нормальныхъ жизненныхъ условіяхъ освобожденной отъ большевизма оздоровленной Россіи.

VII.

„Теперь“.

Трагическое мотто трагической эпохи.

Наиболѣе частое въ современной русской рѣчи слово, рисующее ликъ русской дѣйствительности— дѣйствительности нашихъ дней.

„Теперь“

Цѣлый строй новыхъ привычекъ и взаимоотношеній—сложились подъ знакомъ этого слова. Пожалуй, даже строй новыхъ понятій, казалось-бы, явленій внутренняго порядка, и предполагающихъ болѣе или менѣе продолжительное время для того, чтобы выявиться въ поддающуюся учету форму.

Теперь можно быть безвкусно, неряшливо, грязно одѣтымъ.... Кто съ этимъ считается—теперь? Многимъ ли доступна въ Россіи въ настоящее время здоровая физическая радость, чувство самоуваженія, какое дается свѣжимъ, чистымъ бѣльемъ, ванной, мыломъ, культурнымъ укладомъ повседневной жизни? Въ Россіи врядъ ли найдется теперь на тысячу человѣкъ—одинъ, привилегированный, имѣющій возможность каждый день мыть руки, какого-то поразительнаго состава прачешнымъ мыломъ.

Теперь можно ѣсть вещи, которыя раньше хорошіе хозяева не рѣшались давать псамъ и свиньямъ. Кормовая свекла, даже гнилая, даже мерзлая свекла—давно стала деликатесомъ въ Россіи. Кто можетъ привередничать—теперь?

Слабые здоровьемъ, малокровные, страдающіе хроническими болѣзнями люди, несущіе многочисленные обязанности, (но не стоящіе у власти

коммунисты) продѣлываютъ по 15—20 верстъ петроградскихъ и московскихъ концовъ. Кто можетъ рассчитывать теперь на исправность трамваевъ, на автомобиль, на извозчика? Теперь перегораютъ въ горькихъ мукахъ привязанность къ близкимъ людямъ, потребность заботиться о близкихъ: семьи расчленены, разметаны... Въ странѣ, терзаемой гражданской войной, одна губернія дальше отъ другой, чѣмъ Новая Зеландія отъ Парижа, или Нордъ-Капъ отъ Палермо.

Теперь, уходящiе изъ жизни уносятъ съ собою и то единственное, что могло бы сколько нибудь возмѣщать остающимся — тяжесть утраты: скорбь объ умирающихъ. Животный инстинктъ самосохраненiя, звѣриный страхъ за завтрашнiй холодный, голодный день скверно и подло глушить чувство тоски.

Теперь — можно взять въ долгъ съ тѣмъ, чтобы не отдать. Кто взыщетъ съ голодающаго?

Теперь можно продать чужiя вещи, взятыя на храненiе. Кто попеняетъ голодающему съѣвшему ломоть хлѣба, съ которымъ онъ оставленъ на цѣлые сутки одинъ на одинъ?

Понятiя о собственности прошли основательный стажъ, лозунгъ „грабь награбленное“ претворился въ самооправдывающее: „Не возьму я — возьметъ другой“

Кто зачтетъ въ вину — теперь?

Теперь можно обсчитать, обмѣрить, обмануть, надуть, подсунуть фальшивыя деньги... Кто, гдѣ, съ кого взыщетъ — теперь?

Теперь можно скверно обругать, грубо оборвать, задѣть, уязвить — кто считается теперь съ требованiями учтивости, деликатности, взаимнаго вниманiя? Какiя могутъ быть взаимныя человѣческiя обязательства — теперь?

Товарищеская солидарность, гуманность, чувство справедливости — кто можетъ разрѣшить себѣ роскошь благородства — теперь?

Близкаго вамъ человѣка повѣсили. Негодуйте — васъ тоже повѣсятъ. Друга вашего схватили ночью по какому то нелѣпому подозрѣнiю и бросили въ тюрьму... Возмущайтесь: васъ тоже схва-

тять и бросять въ тюрьму. Вы узнали, что въ лагерѣ принудительныхъ работъ безвинно — арестованныхъ морять голодомъ и вшами. Порицайте: вы раздѣлите ихъ участь.

„Недовольство и порицаніе совѣтской власти должны караться по всѣмъ строгостямъ закона такъ же, какъ заигрываніе съ зарубежными контрреволюціонерами. (Изъ рѣчи Ленина, произнесенной имъ въ послѣднихъ числахъ августа, въ засѣданіи Московскаго Исп. Ком.).

Теперь можно кое-какъ сшить платье, кое-какъ прочесть лекцію, кое-какъ починить швейную машину, (въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ когда находится мастеръ, который не гнушается такимъ маленькимъ дѣломъ и если у этого мастера оказывается матеріалъ, которымъ онъ можетъ такое непочетное дѣло выполнить). Теперь можно кое-какъ сыграть сонату Бетховена и кое-какъ сдѣлать набойки на каблуки... Кто задержитъ вниманіе на этомъ — теперь?...

Пѣвица съ большимъ европейскимъ именемъ пѣла въ одномъ изъ концертовъ въ честь III-го Интернаціонала романсы, названные въ афишахъ „Революціонными романсами Шумана“. Вступительное слово къ этому концерту, на которомъ исполнялись также „революціонное тріо Мендельсона“ — и „революціонная соната Обера“, — произнесла товарищъ Ядвига, не очень твердая въ правописаніи барышня, секретарь библиотечной комиссіи.

Пѣвица съ крупнымъ европейскимъ именемъ не могла протестовать противъ развязной приставки „революціонный“ — къ романсамъ Шумана, какъ не могла протестовать противъ той-же приставки піанистка, исполнявшая Шопена...

До художественнаго-ли исполненія было этимъ артисткамъ, мобилизованнымъ для этого концерта, какъ мобилизуютъ каждый день десятки другихъ артистовъ для другихъ зрѣлищъ? Кое-какъ спѣли, кое-какъ сыграли — и съ плечъ долой.

Что-то и гдѣ-то, въ какой температурѣ, при какой акустикѣ, въ какомъ „балтѣ“, „райкомѣ“, „лѣскомѣ“, „главбумѣ“ — придется играть и пѣть

завтра? Потому, что красноармейцевъ и матросовъ развлекать надо безпрерывно: они не очень сыты...

Нѣтъ вѣры въ то, что исполняемое дѣло кому-нибудь нужно, что оно получить должную оцѣнку. Умираетъ чувство уваженія къ своему дѣлу и распаляется изо-дня въ день—лучшее достояніе чело-вѣка: уваженіе къ самому себѣ.

Каждая работа, исполняемая программно, по предписанію, по принужденію — сопровождается девизомъ, вылившимся изъ взаимоотношеній совѣтской власти и труженниковъ всѣхъ профес-сій: „Дать какъ можно меньше, взять какъ можно больше“. — И у наиболѣе щепетильныхъ, не чуждыхъ еще такимъ архаическимъ понятіямъ, какъ долгъ, честность, добросовѣстность — самооправдывающая, ставшая стереотипомъ фраза: „они взяли у насъ такъ много, мы получаемъ взамѣнъ такъ — мало“. Какія могутъ быть сомнѣнія, колебанія—теперь?

Прачка, знаменитая, колоратурная пѣвица, порт-ниха, актриса, профессоръ, лудильщикъ посуды, всѣ безъ исключенія объединены однимъ общимъ мертвящимъ словомъ: „теперь“...

Дѣти занимаютъ кое-какъ, преподаватель пропускаетъ уроки... О, Господи, теперь!... Изъ дома уплываютъ привычныя для глаза вещи, лю-бимыя книги, вещи, которыя спаялись съ сердцемъ. Кто можетъ считаться съ ссадинами, которыя оставляетъ въ душѣ каждая уносимая изъ дому на рынокъ, или спекулянтномъ вещь. Теперь?...

Дѣти, немногіе рождающіеся дѣти, являются на свѣтъ величиною съ столовую ложку. Въ большинствѣ случаевъ умираютъ. Вздохъ облег-ченія: растить дѣтей — теперь...

Усталость, упадокъ силъ, упадокъ воли къ жизни, безнадежность и отчаяніе.

Таково это „теперь“—русской жизни.

Въ какое оно выльется—потомъ?

Страшнымъ призракомъ стоитъ передъ нами этотъ вопросъ...

Содержаніе:

1. „Они“.
 2. Школа.
 3. „Здравохраненіе“.
 4. Наука въ Совѣтской Россіи.
 5. Борьба съ преступностью въ Совѣтской Россіи.
 6. Искусство и литература.
 7. Теперь.
-